

РУСИСТИКА СЕГОДНЯ

**Отделение литературы и языка
Российской академии наук
Институт русского языка
РАН**

2/94

Глагольность функциональных стилей

В зависимости от ряда обстоятельств, и прежде всего от соотношения в треугольнике общество — человек — язык, происходит очень широкое и комплексное расслоение языка. Его глобальная дифференциация состоит из нескольких основных типов: 1) территориального (диалекты, наречия, городская речь, варианты и т. п.), 2) социального (жаргоны, арг, социолекты, тайные языки и т. п.), 3) полового (мужской и женский варианты языка), 4) возрастного (детская речь, речь молодежи, взрослых, пожилых людей), 5) функционального (функциональные комплексы, промежуточные стили, функциональные стили, подстили, жанры), 6) группового (микросоциальные стили, подстили, жанры), 7) индивидуального (индивидуальная речь, идиолекты). В основе модели функционально-стилистической дифференциации языка находятся два категориальных понятия: характер отношений и тип отношений. Характер отношений подразумевает определение своеобразия связей в функционально-стилистической дифференциации языка и их осмысление как отдельных систем, надсистем, межсистем и подсистем, которые и составляют тип отношения. Характер отношения и тип отношения в функционально-стилистической дифференциации языка настолько переплетены и осложнены, что для целостного их осмысления представляется полезным ввести понятие функционально-стилистического интеграционного целого, под которым мы подразумеваем вид функционально-стилистического расслоения языка, образующий отдельный комплекс. Этим, на наш взгляд, можно решить самую сложную проблему в функционально-стилистическом расслоении языка — проблему межвариантных типов. В общей функционально-стилистической дифференциации языка мы выделяем следующие интеграционные цели: функциональные комплексы, межстили, функциональные стили, подстили и жанры.

Центральным понятием функциональной стилистики является функциональный стиль (ФС) — экстралингвистически обуслов-

ленная системная реализация языка в определенной сфере человеческой деятельности со специфической интралингвистической (парадигматической и синтагматической) организацией, статистической закономерностью (частотой и вероятностью использования языковых средств), меньшей или большей традиционностью и исторической обоснованностью (Тошович—1988, 57). В определении ФС существенными являются следующие элементы: 1) системность, 2) вид деятельности, 3) интралингвистическая организация, 4) частота и вероятность, 5) традиционность, 6) историческая обоснованность¹.

Проведенные исследования указывают на то, что самой оправданной, целесообразной и оптимальной моделью функционально-стилистической дифференциации языка является та, которая базируется на выделении пяти функциональных стилей: литературно-художественного (ЛФС), публицистического (ПФС), научного (НФС), официально-делового (ОФС) и разговорного (РФС). Эти функциональные стили образуют широкую и разветвленную систему, в которой они взаимно переплетаются. В этой системе один стиль особенно выделяется, т. е. настолько выделяется, что некоторые стилисты выводят его за рамки функциональных стилей. Речь идет о литературно-художественном стиле. Его широта, максимальная свобода выбора языковых средств, стилистическая неоднородность, эстетическая направленность превращают его в особое комплексное языковое явление, которое явным образом противопоставляется другим ФС. В функционально-стилистическом расслоении он играет господствующую роль, так как лучше всех ФС выражает всеобщий лексический и грамматический потенциал языка. Скажем, богатство языка не следует искать в ПФС, НФС или ОФС (хотя они по своему отражают это богатство), так как они имеют различные степени ограничения в использовании языковых средств. Богатство языка больше всего проявляется в художественных текстах. Противопоставленность ЛФС по отношению к другим ФС настолько очевидна, что ее можно использовать для выявления фундаментальных свойств всех других ФС. Поэтому более подробно остановимся на этом стиле.

Восприятие и осознание человеком действительности происходит на каждом шагу. Информация, полученная таким образом, ведет к образованию различных видов сознания. В од-

¹ Более подробно о функциональных стилях см. Тошович—1988.

ном из них создается модель действительности в форме реального представления окружающего мира. Действительность в этой модели воспринимается холодно, объективно и беспристрастно. В другой происходит субъективная трансформация воспринимаемой информации, приводящая к созданию индивидуально-представления реальности. В первом случае имеет место научное сознание, в другом — художественное.

Все, что является доступным восприятию художника, проходит сложный путь изменений. И насколько реальность богата различными формами, настолько, почти в одинаковой мере, богато и разнообразно художественное творчество. В искусстве действительность воспринимается сквозь призму авторского я и превращается тем самым в особую форму действительности. Художник выражает себя не в форме элементарных понятий или основных представлений, а строит свое восприятие на том, что называется художественным образом. В разнообразных поэтических картинах выражается мировоззрение, передаются идеи, взгляды, чувства.

Для выражения сложного и комплексного внутреннего мира в искусстве используются различные средства — слово, звук, камень и т. п. Из всех способов эстетического выражения действительности самую большую широту получил тот, который при помощи слова превращает действительность в художественное сознание. Речь идет о художественной литературе. В ней слово является средством художественного выражения. В художественном творчестве всегда преследуются две цели: дать свое субъективное видение действительности и выразить себя так, чтобы в своем восприятии реципиент не остался равнодушным.

Основное, чем ЛФС отличается от остальных ФС, — выражение представлений о предметах, понятиях и явлениях в форме художественных образов. В каждом литературно-художественном дискурсе можно обнаружить три элемента. Во-первых, в нем всегда о чем-нибудь сообщается. Во-вторых, то, что выражается, эстетически оформляется. В-третьих, преследуется цель воздействовать не только на разум, но и на чувства читателя, чтобы вызывать у него положительную или отрицательную реакцию. Автор художественного произведения старается, чтобы читатель стал его соавтором, манит его в свой мир и заставляет сопереживать. «Произведение искусства не только сообщает, информирует, но и «провоцирует» такую эстетическую деятельность читателя, зрителя, слушателя. Эстетическое впечат-

ление от произведения искусства связано не только с получением информации, но одновременно и с ответным действием воспринимающего лица, творчески откликающегося этим действием на произведение искусства. Произведение искусства рассчитано не только на пассивное восприятие, но и на активное участие в акте своего творения. В этом коренное отличие искусства, скажем, от науки, которая в своих отдельных дисциплинах может ограничиваться извлечением информации» (Лихачев—1973, 394).

ЛФС отличается от других ФС и типом мышления, на котором он основывается. В то время как другие стили базируются на простом представлении реальности, объективном анализе действительности, ЛФС строится на художественной трансформации реальности. Такое мышление можно назвать художественным и соотнести его с теоретическим (характерным для науки, права и т. п.) и практическим (в повседневной коммуникации). В нем наблюдается явно выраженная тенденция к образности. В. Белинский в связи с этим пишет: «Философ говорит силлогизмами, поэт — образами и картинками, а говорят оба одно и то же. Политэконом, вооружась статистическими числами, доказывает, действуя на ум своих читателей или слушателей, что положение такого-то класса в обществе много улучшилось или много ухудшилось вследствие таких-то и таких-то причин. Поэт, вооружась живым и ярким изображением действительности, показывает, что положение такого-то класса в обществе действительно много улучшилось или ухудшилось от таких-то и таких-то причин. Один доказывает, другой показывает, и оба убеждают, только один — логическими доводами, другой — картинками. Но первого слушают и понимают немногие, другого — все» (См.: Гвоздев—1965, 23).

ЛФС обладает свойством, не характерным для других ФС. Это стилистическая неоднородность — свойство, основанное на использовании элементов, фрагментов, структурных целых других ФС. Однако в ЛФС они теряют первостепенное назначение и подчиняются общему художественному и идейному замыслу произведения². В нем слово обычно имеет двойную функцию: то, что

² Об этом существует целый ряд работ. Об отражении функциональных стилей в советской прозе см. Кожевникова—1971. В. Анич анализировал язык Ковачича на этом уровне (Anić—1971, 127—156). Об отношении документа и художественного произведения см. анкету в журнале Književnost (Dokument—1978).

называется метафоричностью. В художественных текстах многозначность проявляется во всем своем разнообразии. ЛФС характеризуется особым способом изложения — повествованием, сильно выраженной эмоциональностью, экспрессивностью, динамичностью, индивидуальностью и очень часто — простотой, лаконичностью и экономией выразительных средств. Как и в других стилях, его основа — литературный язык, но он может содержать самые различные отступления от литературно-художественных норм. Может быть, основным свойством ЛФС является абсолютная свобода выбора языковых средств. Писателям, драматургам и поэтам как будто все дозволено: они могут пользоваться и архаизмами, и жаргонизмами, и бранными словами — всем тем, что существует в языке. Претензии им предъявляются лишь тогда, когда они перешагивают ту границу, которая разделяет искусство и неискусство, если в выборе не находят меру, которая является высшим критерием любого художественного творчества. Основу выбора в ЛФС составляют нейтральные языковые средства, те, которые находим во всех других стилях. Большая часть таких единиц характерна для двух или более ФС, но, с другой стороны, существуют единицы, свойственные только ЛФС (скажем, поэтизмы). Сама организация этого отбора имеет целый ряд особенностей. С одной стороны, выбор организуется в форме повествования и описания, с другой — он ритмизируется. Это дало повод некоторым авторам выделить в рамках ЛФС два отдельных стиля — стиль прозы и стиль поэзии (для нас они являются подстилями). Затем, организация литературного текста четко поляризуется на авторское повествование и речь персонажей. Но здесь, может быть, лучше говорить о полифонизации литературно-художественного текста: голос автора и его персонажей иногда настолько переплетаются, что нельзя говорить о двух течениях, о двух точках зрения, а только о настоящей полифонии³.

* * *

Очень широко представлена в лексико-грамматической системе ЛФС глагольная лексика. Природа литературных текстов такова, что все, существующее в глагольной системе, мо-

³ Этими вопросами интересовались М. Бахтин (Bahtin-1967) и Б. Успенский (Uspenski-1979).

жно использовать в ЛФС. Глагол является одним из главнейших конструктивных элементов лексических явлений (полисемии, синонимии, антонимии, омонимии, паронимии), которые по сравнению с другими ФС больше всего проявляются именно в этом стиле. Как следствие, именно в ЛФС мы находим самый широкий выбор глаголов: в нем представлены разговорные, просторечные, диалектные, жаргонные, устаревшие глаголы, затем неологизмы, профессионализмы, канцеляризмы, термины... Такие глаголы образуют пестрые глагольные стилистические пласты и отражают то, что называется *litentia poetica*. Своеобразие этого стиля проявляется и в том, что, согласно ряду исследований, из всех письменных ФС он отличается самой большой глагольностью. Динамизм, конкретность, многостильность — это свойства глагола, обуславливающие их высокую частотность в ЛФС.

Согласно «Частотному словарю русского языка» глагольные словоформы занимают второе место в грамматической системе ЛФС (Час-1977, 927):

1.	имена существительные	26,7%
2.	глаголы	18,1%
3.	местоимения	13,3%
4.	предлоги	11,1%
5.	имена прилагательные	9,4%
6.	наречия	8,1%
7.	союзы	7,4%
8.	имена числительные	1,2%
9.	частицы	1,0%
10.	остальное	4%

Как видим, существительные и глаголы составляют почти половину лексического фонда ЛФС (45%). Почти такое же соотношение существительных и глаголов и в словаре Э. Штейндельдт: существительные — 26,4%, глаголы — 17,3% (Шт-1963, 31).

В русском языке в целом глагольные словоформы также занимают второе место (число глаголов на два процента меньше, чем в ЛФС, а число существительных — на четыре процента больше):

1.	имена существительные	23,4%
2.	глаголы	20,0%
3.	местоимения	14,9%
4.	предлоги	10,5%

5. имена прилагательные	9%
6. наречия	8,6%
7. союзы	7,4%
8. имена числительные	1,1%
9. частицы	1%
10. остальное	5%

В анализе «Судьбы человека» М. Шолохова мы получили следующие данные:

№	Часть речи	Число гл. словоформ	%
1.	имена существительные	2.423	22,55
2.	глаголы	2.105	19,60
3.	местоимения	1.610	14,99
4.	предлоги	1.321	12,30
5.	союзы	1.061	9,88
6.	наречия	911	8,48
7.	имена прилагательные	626	5,83
8.	частицы	342	3,18
9.	имена числительные	174	1,62
10.	междометия	92	0,86
11.	модальные слова	42	0,39
12.	предикативы	34	0,32
	Итого	10.741	100,00

В некоторых художественных текстах глагольные словоформы могут преобладать над словоформами существительных. Например, в пяти романах Д. Н. Мамина-Сибиряка глаголов 42,6%, существительных 32,8%, прилагательных 15,0% (Генкель-1974, 18). Подобная ситуация наблюдается и в «Поднятой целине» М. Шолохова: глаголы 35%, существительные 33% (Лятина-1968, 18). Если же в этом произведении иметь в виду только отдельные лексемы (а не словоформы), получается следующий порядок: существительные 24%, глагол 20%, местоимения 12%, наречия 8%, прилагательные 7% и т. д. (Лятина-1967b, 51). В «Поднятой целине» из 221 слов, начинающихся буквой М, к глаголам относится 33 или 14,9% (Лятина-1967a).

Исследования показывают, что глагол обладает высокой степенью частотности не только в прозе, но и в поэзии. Это относится, скажем, к поэзии А. В. Кольцова. В. И. Жиликов указывает на то, что в ней на 100 знаменательных слов приходится 36 глаголов, 44 существительных, 15 прилагательных и 5 наречий (определительных). В некоторых стихотворениях А. Кольцова количество глаголов выходит за рамки общепринятой нор-

мы. «Глаголы в песнях-стихах поэта выделяются среди других частей речи богатством и многогранностью смысловой структуры и синтаксических связей, они несут на себя логическое ударение и отличаются большой выразительностью» (Жиликов-1969, 5). Из чего делается вывод: «Стилистический приоритет глаголов в произведениях Кольцова совершенно очевиден» (Жиликов-1969, 7).

Использование глаголов в ЛФС в авторской речи и в речи персонажей не одинаково. Если не считать несобственно прямой речи, в которой устраняется этот параллелизм и речь автора сливается с речью персонажей, авторское повествование беднее глаголами, чем речь персонажей. В диалоге число глаголов больше, чем в монологе. Это подтверждается многими исследованиями. Приведем здесь данные Х. А. Маркова, который провел анализ в 40 выборках (по 300 слов в каждой из них) из произведений 20 писателей (Марков-1964, 19):

	Речь автора	Речь персонажей	В среднем
1. существительные	28,0	19,4	23,8
2. прилагательные	9,6	3,9	6,7
3. числительные	1,4	0,8	1,1
4. глаголы	19,5	20,3	19,9
5. наречия	7,6	10,5	9,1
6. предлоги	12,4	7,5	10,0
7. союзы	7,8	6,3	7,0
8. частицы	3,1	10,1	6,5
9. междометия	0,0	1,0	0,5

Х. А. Марков делает важный для нас вывод: удельный вес различных грамматических классов в тексте очень зависит от того, в какой пропорции находится авторская речь и речь персонажей (Марков-1964, 20). Для контрастивного анализа важен и вывод о том, что данные для русского и молдавского языков почти совпадают.

Наконец, употребление глаголов варьирует в зависимости от автора. Разные авторы существенно отличаются друг от друга по использованию отдельных частей речи⁴. Каждый писатель или поэт характеризуется своим особым отношением к

⁴ Скажем, у Маяковского и Блока порядок слов по частоте такой: существительные 203 : 179, прилагательные 53 : 77, местоимения 57 : 84 (Баранова-1970, 10).

употреблению глагола. (1) Так, в произведениях А. Н. Толстого глагол занимает ведущую позицию в системе частей речи. (2) А. В. Кольцов использует глаголы чаще, чем другие русские поэты. (3) Важность глаголов в творчестве А. А. Фета подчеркивается их регулярным «опущением»: автор использует своеобразный художественный прием — деглаголизацию.

В приводимой ниже таблице мы представляем обзорную таблицу частотности глаголов и существительных в художественных произведениях на основе обработанных данных из различных источников:

№	Текст	Существительное в %	Глагол в %
1.	Выборки из произведений К. М. Симонова, К. А. Федина, М. А. Шолохова; Ю. П. Германа и Д. А. Гранина (Клочкова-1968)	29	18,5
2.	Выборки из произведений А. И. Герцена, И. С. Тургенева и И. А. Гончарова (Головин-1974)	29,5	16,5
3.	Роман «Приваловские миллионы» Д. Н. Мамина-Сибиряка (Генкель-1974, 15)	22,3	28,9
4.	«Романтики» К. Г. Паустовского (Судавичене-1977)	37,9	32,9
5.	Роман «Дым отечества» К. Г. Паустовского (Судавичене-1971, 107)	36,5	27,5
6.	«Пиковая дама» А. С. Пушкина (Шестакова-1981, 117)	44	44
7.	«Капитанская дочка» А. С. Пушкина (Шестакова-1981, 117)	27	20
8.	«Судьба человека» М. А. Шолохова (Б. Тошович)	23,4	20

О соотношении существительных и глаголов в отдельных художественных произведениях существуют иногда противоположные точки зрения. Некоторые, например, утверждают, что в произведениях А. С. Пушкина больше глаголов, чем существитель-

ных, другие — наоборот. Вот что об этом пишет Н. А. Шестакова: «Вот уже много лет из одного учебника по истории русского литературного языка в другой перемещается утверждение о том, что в произведениях А. С. Пушкина (особенно в прозе) преобладают глаголы. Однако нам не удалось обнаружить у А. С. Пушкина ни целого произведения, ни даже какого-либо отрывка, где бы глаголов было больше, чем существительных. Наоборот: статистические данные свидетельствуют о преобладании существительных» (Шестакова-1981, 116). Она задает вопрос, может ли вообще глагол преобладать в художественном произведении и дает следующий ответ: «Некоторые говорят, что может [имея в виду Кожину — Т. Б.]. Однако сравнительный анализ глаголов и существительных в системе языка и в произведениях А. С. Пушкина заставляет выразить сомнение в том, что глагол может быть преобладающей (в сравнении с существительным) частью речи в художественном тексте» (Шестакова-1981, 119). Нам кажется, что Н. А. Шестакова преувеличивает роль существительных, указывая на их преимущества по отношению к глаголам.

Что касается сербохорватского языка, то в нем распределение частей речи по частотности не намного отличается от русского. Из-за отсутствия частотного словаря сербохорватского языка приведем здесь только данные из Детского словаря Веры Лукич (Lukić-1970, VII):

1.	имена существительные	49%
2.	глаголы	30%
7.	имена прилагательные	12%
6.	наречия	4%
4.	предлоги	1%
3.	местоимения	1%
9.	имена числительные	1%
5.	союзы	0,3%
8.	частицы	0,3%
10.	междометия	0,2%

* * *

В других письменных ФС удельный вес глаголов меньше, чем в ЛФС. В научном стиле (НФС) преобладают рассужде-

ния, объяснения, заключения, и поэтому существительные занимают господствующую позицию, а глагол очень часто используется как связывающий элемент и обладает стертой семантикой (десемантизация глагола является одним из основных признаков НФС). Публицистический стиль (ПФС) только в одном подстиле (литературно-публицистическом) близок ЛФС, а во всех остальных подстилях глагол используется намного реже. Тем более не характеризуется глагольностью официально-деловой стиль (ОФС). Низкий уровень употребления глаголов в НФС, ПФС и ОФС объясняется и тем, что в этих стилях вместо глагола часто используется отглагольное существительное. По уровню глагольности к ЛФС приближается только разговорный стиль (РФС).

Кроме соотношения глаголов и существительных, не менее важной является корреляция глагол — прилагательное, о чем, к сожалению, почти нет исследований. Исключение представляет исследование А. Н. Беззубова (Беззубов-1975). Он исходит из положений о том, что между количеством глаголов и прилагательных в художественной прозе существует обратная корреляция (чем меньше одних, больше других, и наоборот). В связи с этим он пишет: «С глаголами связаны образы движений, с прилагательными (эпитетами) — образы картинного типа. Преобладание той или другой части речи в сильной степени проявляет и определяет общие свойства всего стиля, а их соотношение дает количественный критерий для сравнения различных стилей» (Беззубов-1975, 116). Исследователь приводит конкретные данные (в поэзии А. В. Кольцова соотношение глаголов и прилагательных 16% — 11%) и продолжает: «Поэзия Кольцова — действительно двустилевая, стиль его РП — динамический, в нем преобладает глагол и избегается эпитет. Стиль ТЛ Кольцова — статический, в нем преобладает эпитет и избегается глагол. Стиль ФЛ (по весьма малой выборке) — тоже статический, здесь глагол подавлен эпитетом» (Беззубов-1975, 117). Для нас важным является его вывод о том, что изменение стилевых особенностей в поэзии А. В. Кольцова образует соотношение глаголов и прилагательных, а не глаголов и существительных. Таким образом бинарная оппозиция существительное — глагол в большой мере релятивизируется. При сравнении активности глаголов и прилагательных, подчеркивает Н. Е. Сулименко, надо иметь в виду, что эти две части речи, обозначающие признак, дифферен-

цируются на основе критерия активность — пассивность (Сулименко-1981b, 11)⁵. Для нас представляет интерес его таблица вероятностей частей речи в ЛФС:

	ЛФС	НФС	ПФС
глагол	0,21	0,14	0,16
имя существительное	0,40	0,47	0,53
имя прилагательное	0,15	0,23	0,22

Из таблицы видно, что вероятность использования глаголов самая большая в ЛФС, существительных — в ПФС, прилагательных — в НФС и что наименьшая вероятность употребления глаголов в НФС, а существительных и прилагательных — в ЛФС⁶.

Из всех стилей к литературно-художественному стилю ближе всего публицистический стиль, который не является монопольным стилевым образованием. В нем различаем три подстиля: информационный, аналитический и литературно-художественный. При помощи информационного подстиля передается информация об актуальных событиях (это небольшие тексты с высокой степенью официальности). Их основная задача — коротко и ясно сообщить о каком-либо событии. Из всех подстилей ПФС этот подстиль дальше всего отстоит от ЛФС. Своей сухостью и неэкспрессивностью он близок к научному и официально-деловому стилю. Аналитические жанры ПФС тяготеют к художественным текстам своей мягкой ориентацией на образность выражения. Анализ, однако, может быть разным — стилистически нейтральным или в различной мере стилистически окрашенным (например, в полемических текстах). Литературно-публицистический подстиль образуют различные репор-

⁵ То есть, по терминологии А. М. Пешковского, на основе критерия процессуальности — непроцессуальности (Пешковский-1957). Для понимания трехчленного соотношения глагол — существительное — прилагательное полезными являются статистические данные о вероятности использования глаголов в ЛФС, НФС и ПФС (Головин/Урамбашев-1967, 523).

⁶ Интересными являются результаты исследования В. В. Евстафьевой, которая провела хронологический анализ использования глаголов в русской поэзии, драматургии и научно-публицистической литературе в XIX веке (Евстафьева-1970, 84). Она констатирует, что по частоте употребления глагольных словоформ проза стоит на первом месте, драматургия на втором, а научно-публицистический стиль на последнем. В XX столетии наблюдается другой порядок: драматургия, проза, научная публицистика.

тажи, путевые записки, фельетоны, очерки и т. п., представляющие собой фактически малые литературные формы и характеризующиеся высокой степенью индивидуализации стиля. Самая большая разница между ЛФС и ПФС касается использования стандартизированных языковых средств (клише), характерных для большей части ПФС и не свойственных ЛФС.

Разница между ЛФС и ПФС проявляется как на качественном, так и на количественном уровне: в то время как в ЛФС соотношение глаголов и существительных составляет приблизительно 20% : 23%, в ПФС разрыв между этими частями речи увеличивается в пользу существительных — 16% : 33% (Час-1977). Это в особенности характерно для информационных и аналитических подстилей, имеющих сугубо именной характер. Приведем следующий пример: 6 января 1982 года в рубрике «Международная информация» «Правда» опубликовала статью «Во имя взаимного доверия народов двух стран», содержащую 130 слов, в том числе только 14 глаголов (10,8%). Для всех таких текстов характерно нагромождение существительных, особенно отглагольных — типа *укрепление, прибытие, разоружение, воспитание* («Правда», 6 января 1982, с. 1). Это подтверждает и частотный словарь трех номеров «Правды» и «Известий» (тексты по международным отношениям) 1967 года (Вопросы-1972). Из 850 слов в этих текстах всего 103 глагола (или 12,12%). Именной характер ПФС подтверждают и другие исследования. Так, в корпусе Л. Н. Засориной самую многочисленную группу составляют существительные (43,43% словоформ), второе место занимают глаголы (22,48%), а третье — прилагательные (22,06%) — Засорина-1966⁷.

Научный стиль отличается разнообразием подстилей и жанров. В рамках НФС обычно выделяются три подстиля: собственно научный (академический), научно-учебный и научно-популярный. Основная функция НФС — сообщение научной информации, без воздействия, характерного для ЛФС (эмоционально-эстетическое воздействие) или ПФС (агитация и пропаганда).

⁷ Р. Н. Ульяновская приводит сходные данные: существительные 43,1%, глаголы 32,0%, прилагательные 16,3%, наречия 5,8% и т. д. (Ульяновская-1962, 84). Вероятно, из-за другого методического приема и корпуса В. П. Гурченкова дает другую картину частотности частей речи в ПФС: в газетах периода 1967–1970 гг. она обнаружила лишь 3,75% глаголов (17,1% существительных, 14,4% местоимений, 31,3% предлогов, 16,3% союзов и т. д.) — Гурченкова-1971, 133.

ганда). НФС характеризуется высокой степенью стандартизованности, ограниченным выбором языковых единиц, отсутствием эмоциональности, стилистической нейтральностью, логичностью и монологическим характером. НФС отличается именным характером и слабой глагольностью. Приведем один пример. В отличие от «Судьбы человека» М. А. Шолохова (Шол-1975б), где мы обнаружили 20% глаголов, или «Ламы с собачкой» А. П. Чехова (Чех-1975; 18% глаголов), в научных текстах нашего корпуса, представляющих три вышеупомянутых подстиля, количество глаголов намного меньше: в четвертой главе книги Р. А. Будагова «Что такое развитие и совершенствование языка» (Буд-1977; собственно научный стиль) 10% глаголов, в пособии В. А. Приходько «Морфология современного русского языка» (Пр-1971; научно-учебный подстиль) — 7,8%, а в научно-популярной книге «Мир родной речи» (Люс-1972) почти столько же — 7,85%⁸. Таким образом, НФС имеет сугубо именной характер.

На неодинаковое использование глаголов в этих двух стилях влияет и то, что ЛФС отличается конкретностью, а НФС — абстрактностью, первый открыт для использования всех стилистических пластов языка, второй максимально терминологизирован. В художественных текстах преобладает динамика, в научных — статика. ЛФС отличается субъективизмом, НФС — объективизмом. В научных текстах происходит десемантизация (семантическая нейтрализация) глаголов типа *являться, оказываться, находиться, быть* (в сербохорватском *biti, predstavljati, ċiniti*) и они превращаются в простые связки без особого значения.

В системе ФС полярные позиции занимают литературно-художественный и официально-деловой стиль (ОФС). Эстетическая функция, широта и разнообразие первого стиля и стан-

⁸ На наличие большого количества существительных и более редкое использование глаголов в НФС указывают и другие исследования. Так, в Комплексном частотном словаре русской научной и технической литературы соотношение существительных и глаголов 43% : 14% (в корпусе) и 39% : 24% (в словаре) — Ден-1978, 317. В Частотном словаре общенаучной лексики корреляции таковы: 39,6% существительные, 26,5% глаголы, 30,2% прилагательные и т. д. (Час-1970). В Частотном словаре русской технической лексики разрыв между этими двумя частями речи еще более выраженный (в пользу существительных): существительные 43,2%, прилагательные 30,9%, глаголы 19,7% (Час-1971). Но самый большой процент существительных находим в книге «Функциональный стиль общенаучного языка и методы его исследования» — 49,6% (Функциональный-1974, 94).

дартизованность и неэкспрессивность второго существенно влияют на употребление глаголов. Хотя языковая унификация и использование клише является отрицательным явлением, они неизбежны и необходимы в ОФС. Основная функция ОФС — сообщение⁹. ОФС используется в юридической и законодательной деятельности, в деловой и частной переписке, в дипломатии и т. д., поэтому он отличается большим жанровым разнообразием. Оно наглядно проявляется в «Кратком словаре видов и разновидностей документов» (Краткий—1974). Общепринятой классификации подстилей ОФС все еще нет, но она может иметь следующую форму: 1) законодательно-юридический подстиль (законодательные акты, приказы, указы, директивы, уставы и т. д.), 2) политический подстиль (политические документы) 3) деловой подстиль (договоры, соглашения, контракты, спецификации, сертификаты и т. п.), 4) дипломатический подстиль (международные договоры, конвенции, ноты, меморандумы, коммюнике и др.), 5) корреспондентский подстиль (деловая и частная переписка).

Наше исследование показывает, что ОФС имеет явно выраженный именной характер. В Конституции СССР (Кон—1974), по нашим подсчетам, на 4.902 слов приходится всего 309 глаголов (6,3%), а в Уставе КПСС (Уст—1973) на 5.039 слов — 460 глаголов (9,1%). Конституция СФРЮ (Ust—1981) содержит 42.414 слова, в том числе 3.962 глаголов (9,3%). В Уставе СКЮ (Statut—1974) всего 8.820 слов и 807 глаголов (9,15%). Если вспомним данные об удельном весе глаголов в ЛФС (в среднем 18–20%), становится ясно, насколько ОФС является неглагольным стилем (в нем в два раза меньше глаголов, чем в ЛФС). На именной характер ОФС указывают и другие исследователи: «Официально-деловой стиль имеет сугубо именной характер: доля существительных по сравнению с глаголами в нем даже выше, чем в научном стиле» (Барлас—1978, 83). При переходе от ЛФС к ОФС, подчеркивает М. Н. Кожина, количество существительных увеличивается (она приводит следующие

⁹ О том, что могут существовать и другие функции, пишет К. А. Логинова: «Традиционно официально-деловую речь соотносят только с коммуникативно-информационной функцией языка — функцией сообщения. В других жанрах реализуется и функция воздействия, например, в жанрах закона, указа, приказа, где деловая речь связана с их подчеркнуто нормативно-регулирующим характером, и функция общения, преобладающая в жанрах деловой переписки, договорных произведений» (Логинова—1975, 6–7).

соотношения существительных и глаголов: НФС 3,8 : 0,4, ОФС 5,75 : 1,65, ЛФС 3,3 : 2,3) — Кожина—1972, 139.

Разговорный стиль (РФС) отличается от книжных стилей самым характерным свойством — существованием только в устной форме¹⁰. Этот стиль почти полностью имеет диалогический характер (если монолог и существует, «он существенно отличается от книжной речи и по длине, и главным образом, по тому, что всегда адресован присутствующему собеседнику, который так или иначе на него реагирует жестами, мимикой, иногда перебивая собеседника»; Ключкова—1969, 93). Ни один другой ФС не обладает настолько рельефно выраженной коммуникативной функцией. РФС отличается спонтанностью и непосредственностью общения. Для него почти всегда характерно отсутствие предварительного обдумывания. Автоматизм, характерный для РФС, не дает времени для длинного размышления и серьезной языковой подготовки. РФС непосредственно отражает действительность и тематически настолько широк, насколько широко повседневное общение. Устную коммуникацию поддерживают невербальные средства, прежде всего мимика, жесты и разные фонетико-интонационные усилители (ритм, пауза, интонация, ударение и т. п.). Но из всех свойств РФС для проблемы, о которой мы говорим, самым релевантным является динамизм, потому что он больше всего влияет на широкое использование глаголов. По степени глагольности РФС занимает первое место в системе ФС, что подтверждают разные источники. Скажем, в самом узком корпусе, имеющемся в нашем распоряжении и состоящем из 91.572 слов, ФС имеют следующие степени глагольности:

1.	РФС	19,3%
2.	ЛФС	18,6%
3.	ПФС	12,4%
4.	НФС	9,1%
5.	ОФС	7,9%
	В среднем	13,4%

Частотный словарь русского языка приводит следующие данные о распределении глаголов: драматический жанр (который можно считать представителем РФС) 20,9%, художественные

¹⁰ Некоторые из ФС также имеют устные формы, например, в рамках ПФС выделяются стили радио- и телевизионных передач.

произведения 19,0%, газетный жанр 14,5%, научно-публицистический жанр 13,5% (Час-1977, 927). Соотношение глаголов и существительных в драматических жанрах в пользу глаголов: 20,9% : 20,4%. И корпус Е. А. Ключковой подтверждает преобладание глаголов в РФС — соотношение глаголов и существительных 190 : 140 (Ключкова-1969, 94-95). В связи с этим исследователь пишет: «Разговорный стиль отличается от художественного и научного разной информационной значимостью основных частей речи (существительных, глаголов и прилагательных) <...> Отсюда снижено количество существительных <...>» (Сиротинина-1974, 79). М. Н. Кожина указывает на то, что в РФС не существует характерного для языка преобладания существительных по отношению к глаголам: «Даже в "наиболее глагольной", художественной речи существительные встречаются в 1,5 раза чаще глаголов, в разговорной же глаголы — чаще существительных» (Кожина-1977, 212).

Таким образом, глагол является важным структурным элементом функциональных стилей. В ЛФС он проявляет семантическую емкость, морфологическое разнообразие и богатый стилистический потенциал, в ПФС приспосабливается к характеру многочисленных жанров, в НФС включается в отвлеченный и обобщенный способ изложения, в ОФС входит в широкий процесс унификации и шаблонизации, в РФС демонстрирует лексико-грамматическое разнообразие. Из всех ФС больше всего глагол проявляет свой стилистический потенциал в ЛФС. Основные свойства этого стиля (эстетичность, многостильность, метафоричность, *litentia poetica* и др.) дают возможность глаголу максимально проявить свои стилистические потенции. Именно поэтому ЛФС в наибольшей степени проявляет общеязыковые и общестилистические характеристики глагола.

Литература

1. Баранова-1970: Баранова З. П. Опыт количественного анализа некоторых грамматических особенностей речи А. Блока и В. Маяковского. || Статистическое изучение стилей языка и стилей речи. Горький, 1970. 47 с. С. 10-12.
2. Барлас-1978: Барлас Л. Г. Русский язык. Стилистика. М.: Просвещение, 1978. 256 с.

3. Беззубов-1975: Беззубов А. Н. Стилистические и эстетические особенности частей речи в поэзии Алексея Кольцова. || Вестник ЛГУ. Л., 1975. № 2. С. 114-120.
4. Вопросы-1972: Вопросы стилистики в преподавании русского языка иностранцам. Под ред. А. Н. Васильевой. М.: МГУ, 1972. 423 с.
5. Гвоздев-1965: Гвоздев А. Н. Очерки по стилистике русского языка. 3-е изд. М.: Просвещение, 1965. 408 с.
6. Головиц-1974: Головин Б. Н. Опыт применения корреляционного анализа в изучении языка. || Вопросы статистической стилистики. Киев, 1974. С. 5-16.
7. Головин/Урамбашев-1967: Головин Б. Н., Урамбашев И. В. О статистических признаках стилевой дифференциации глагольных форм современного русского литературного языка. || Прикладная математика и кибернетика. Горький, 1967. С. 501-512.
8. Генкель-1974: Генкель М. А. Частотный словарь романа Д. Н. Мамина-Сибиряка «Приваловские миллионы». Пермь: Пермский ГУ, 1974. 509 с.
9. Гурченкова-1972: Гурченкова В. П. Частотный словарь подязыка публицистики. (Политика). || Частные вопросы автоматического анализа текстов. Минск, 1972. С. 131-138.
10. Евстафьева-1970: Евстафьева В. В. Формы глагола и стилистика. (Статистический анализ распределения глагольных форм в разных стилях русского литературного языка XIX-XX вв.). || ВКУ, сер. филол. 1970. № 12. С. 83-87.
11. Жилияков-1969: Жилияков В. И. Стилистические функции частей речи в поэзии А. В. Кольцова. (Глагол и имя существительное). АКД. Ростов-на-Дону, 1969. 17 с.
12. Засорина-1966: Засорина Л. Н. Автоматизация и статистика в лексикографии. || Известия ЛГУ. 1966. С. 128.
13. Ключкова-1968: Ключкова Э. А. О распределении классов слов в некоторых функциональных стилях. || Вопросы славянского языкознания. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1968.
14. Ключкова-1969: Ключкова Э. А. О распределении классов слов в живой разговорной речи. || Вопросы стилистики. Саратов, 1969. Вып. 3. С. 91-98.
15. Кожевникова-1971: Кожевникова Н. А. Отражение функциональных стилей в советской прозе. || Вопросы языка современной русской литературы. М.: Наука, 1971. 416 с. С. 222-300.
16. Кожина-1972: Кожина М. Н. О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими. Пермь: Пермский ун-т, 1972. 395 с.
17. Кожина-1977: Кожина М. Н. Стилистика русского языка. М.: Просвещение, 1977. 223 с.
18. Краткий-1974: Краткий словарь видов и разновидностей документов. М.: ВНИИ документирования и арх. дела, 1974. 80 с.

19. Лихачев—1973: Лихачев Д. С. Несколько мыслей о «неточности» искусства в стилистических направлениях. || Philologica. Исследования по языку и литературе. Л.: Наука, 1973. 436 с. С. 394–400.
20. Логинова—1975: Логинова К. А. Деловая речь и ее стилистические изменения в советскую эпоху. АКД. М.: Ин-т русского языка, 1975. 25 с.
21. Лятина—1967а: Лятина А. М. Материалы из частотного словаря языка «Поднятая целина» М. А. Шолохова. || Краткие сообщения по русскому языку и литературе. К 75-летию Е. Д. Поливанова. 2. Сем. ГУ, 1967а. С. 170–182.
22. Лятина—1967б: Лятина А. М. О соотношении частей речи в языке романа М. А. Шолохова «Поднятая целина». || Вопросы языкознания. Самарканд, 1967б. С. 50, 54.
23. Лятина—1968: Лятина А. М. Опыт статистического анализа языка писателя. (По материалам Частотного словаря «Поднятой целины»). АКД. Л., 1968. 19 с.
24. Марков—1964: Марков Х. А. К вопросу о частотности грамматических категорий. || Русский язык в национальной школе. М., 1964. № 4. С. 19–20.
25. Пешковский—1959: Пешковский А. М. Глагольность как выразительное средство. || Пешковский А. М.: Избранные труды. М.: Учпедгиз, 1959. С. 101–111.
26. Сиротинина—1974: Сиротинина О. Б. Современная разговорная речь и ее особенности. М.: Просвещение, 1974. 144 с.
27. Солганик—1971: Солганик Г. Я. Количественные характеристики языка газеты. || Вестник МГУ. Журналистика. 1971. 144 с.
28. Судавичене—1971: Судавичене Л. Из опыта составления частотного словаря языка К. Паустовского. || Kalbotuga. Вильнюс, 1971. Т. 22, № 2. С. 105–112.
29. Судавичене—1977: Судавичене Л. Частотный словарь произведения К. С. Паустовского «Романтики» и некоторые наблюдения над языком. || Kalbotuga. Вильнюс, 1977. Т. 27. С. 59–65.
30. Сулименко—1981б: Сулименко Н. Е. Типы языковой семантики в системе имен прилагательных (соотносительно с глаголами). || Глагол в лексической системе современного русского литературного языка. Л.: ЛГПИ, 1981. С. 9–32.
31. Ульяновская—1962: Ульяновская Р. Н. Статистическое обследование лексики газет «Пионерская правда» и «Пионер Востока». || Вопросы методики преподавания русского языка в узбекской школе. Ташкент, 1962. С. 71–87.
32. Функциональный—1974: Функциональный стиль общенаучного языка и методы его исследования. Под ред. О. С. Ахмановой и М. М. Глушко. М.: МГУ, 1974. 180 с.
33. Фрумкина/Штейнфельдт—1960: Фрумкина Р. М., Штейнфельдт Э. А. Статистические методы отбора лексики для словаря-минимума по русскому языку. || Русский язык в национальной школе. М.: 1960. № 6. С. 17–25.

34. Шестакова—1981: Шестакова Н. А. Соотношение глаголов и существительных в произведениях А. С. Пушкина. || Глагол в лексической системе современного русского языка. Л.: ЛГПИ, 1981. С. 116–120.
35. Anić—1971: Anić Vladimir. Jezik Ante Kovačića. Zagreb: Školska knjiga, 1971. 228 s.
36. Bahtin—1967: Bahtin Mihail. Problemi poetike Dostojevskog. Beograd: Nolit, 1967. 359 s.
37. Dokument—1978: Dokument, književnost i umetničko delo. || Književnost. Beograd, 1978. Br. 9. S. 1529–1544.
38. Lukić—1970: Lukić Vera. Aktivni pisani rečnik učenika na osnovnoškolskom uzrastu. Beograd: Zavod za izdavanje udžbenika SRS, 1970. 373 s.
39. Tošović—1988: Tošović Branko. Funkcionalni stilovi. Sarajevo: Svjetlost, 1988. 311 s.
40. Uspenski—1979: Uspenski B. A. Poetika kompozicije. Semiotika ikone. Preveo Novica Petković. Beograd: Nolit, 1979. 374 s.

Источники

1. Буд—1977: Будагов Р. А. Что такое развитие и совершенствование языка? М.: Наука, 1977. 264 с.
2. Кон—1974: Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик || Известия Советов депутатов трудящихся СССР. М., 1974. 32 с.
3. Люс—1972: Люстрова Э. Н., Скворцов Л. И. Мир родной речи. || Беседы о русском языке и культуре. М.: Знание, 1972. 160 с.
4. Пр—1971: Приходько В. А. Современный русский литературный язык. Морфология. Л.: ЛГУ, 1971. 55 с.
5. Чех—1975: Чехов А. П. Дама с собачкой и другие рассказы. || Русский язык. М.: 1975. 200 с.
6. Шол—1975: Шолохов Михаил. Донские рассказы. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 1975. 256 с.
7. Ден—1978: Денисов П. Н., Морковкин В. В., Сафьян Х. А. Комплексный частотный словарь русской научной и технической лексики. М.: Русский язык, 1978. 408 с.
8. Час—1970: Частотный словарь общенаучной лексики. Под ред. Е. М. Степанова. М.: МГУ, 1970. 87 с.
9. Час—1977: Частотный словарь русского языка. Под ред. Л. Н. Засориной. М.: Русский язык, 1977. 936 с.

10. Шт-1963: Штейндфельдт Э. А. Частотный словарь современного русского литературного языка. Научно-исследовательский ин-т педагогики Эстонской ССР. Таллин, 1963. 316 с.
11. St-1974: Statut Saveza komunista Jugoslavije. Beograd: Izdavački centar "Komunist", 1974. 70 s.
12. Ust-1981: Ustav Socijalističke Federativne Republike Jugoslavije. Beograd: Službeni list, 1981. 180 s.

Сокращения

ЛФС	—	литературно-художественный стиль
НФС	—	научный стиль
ПФС	—	публицистический стиль
ОФС	—	официально-деловой стиль
РФС	—	разговорный стиль
ФС	—	функциональный стиль

Семантико-грамматические свойства имен прилагательных как основание для их классификации

Современный этап развития русистики характеризуется усилением тенденции к интеграции всех точек зрения на язык (грамматики и словаря, грамматики и прагматики etc.). В русле этой тенденции были предложены функционально-семантические классификации глаголов и существительных [1,2,3,4,5]. Имя прилагательное еще ждет своего полного осмысления на основе нового подхода. В статье предлагается способ семантико-грамматической классификации прилагательных, который мог бы стать частью такого осмысления.

Поскольку основой категориальной семантики прилагательного является признаковость, можно предположить, что типология адъективных значений должна соответствовать онтологическим различиям между признаками объектов материального и духовного мира. Различия между признаками непосредственно связаны со спецификой носителей признаков, определяющей способность/неспособность данного объекта действительно обладать или наделяться тем или иным признаком, релевантность/нерелевантность того или иного признака для объекта. В языке эта связь будет отражаться через те закономерности сочетаемости, которые устанавливаются между прилагательным и определяемым им существительным — предметным, личным или пропозитивным. Назовем эту линию исследования (а также языковые отношения и факты, принадлежащие к ней) — линией «адъективный признак — носитель (диктумный субъект признака)».

В то же время восприятие признаков более субъективно и комплексно, чем наблюдение предметов, так как требует «извлечения», «вычленения» признака из предмета. Многие признаки существуют исключительно постольку, поскольку существуют вос-